ВСЕЛЕНСКІЙ УЧИТЕЛЬ

СВ. ІОАННЪ ЗЛАТОУСТЪ

АРХІЕПИСКОПЪ КОНСТАНТИНОПОЛЬСКІЙ.

СОСТАВИЛЪ

Священникъ *Алексій Миролюбовъ*.

Товарищество типо-литографіи Владиміръ Чичеринъ въ Москвѣ.

1899.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагаемая вниманію читателей книга «Вселенскій учитель Св. Іоаннъ Златоустъ, Архіепископъ Константинопольскій», составлена съ тою цѣлію, чтобы познакомить большинство людей простыхъ, не получившихъ Богословскаго образованія, но жаждущихъ въ простотѣ сердца познакомиться съ великими заслугами для церкви Святителя Іоанна, съ его безпримѣрнымъ проповѣдническимъ геніемъ, чтобы всѣмъ сердцемъ возлюбить духовное просвѣщеніе, понять все его превосходство предъ просвѣщеніемъ, которое мы получаемъ отъ чтенія свѣтскихъ книгъ, узнать, кто былъ Святый Златоустъ, съ именемъ котораго многіе знакомы только по наслышкѣ, даже изъ образованныхъ людей. А потому и изъ житія этого Богоноснаго свѣтильника мы взяли только тѣ черты, при которыхъ яснѣе обрисовывается личный характеръ и дарованія Св. Іоанна, какъ знаменитѣйшаго учителя церкви. Съ этою же цѣлію и изъ твореній его выбрали только то, для краткаго ознакомленія съ перомъ и устнымъ словомъ святителя, что ярче характеризуетъ его, какъ перваго проповѣдника св. Православной вселенской церкви. Кто знаетъ, мо-

жеть-быть и эта книга при благодатномъ осѣненіи отъ Духа Св. заронитъ въ сердце читателя искру любви къ чтенію духовныхъ книгъ и заставитъ невольно ознакомиться съ твореніями и другихъ духовныхъ писателей.

Авторъ.

Вы есте свѣтъ міра, Не можетъ градъ укрытися верху горы стоя. Ниже вжигаютъ свѣтильника и поставляютъ его подъ спудомъ, но на свѣщницѣ, и свѣтитъ всѣмъ, иже въ храминѣ суть. (Мѳ. 5, 14—15).

Устъ твоихъ якоже свѣтлость огня возсіявши благодать вселенную просвѣти.

(Троп. гл. 8.)

I.

Четвертый вѣкъ въ исторіи церкви считается обыкновенно золотымъ вѣкомъ свято-отеческой письменности. Начало этого вѣка запечатлѣно просвѣтительной дѣятельностью на пользу церкви Св. Равноапостольныхъ Константина и Елены. Въ тѣ времена жили и неустанно трудились для утвержденія церкви Христовой такіе Богоносные мужи, какъ, напр., Св. Василій Великій, Григорій Богословъ, Іоаннъ Златоустъ, Аѳанасій Великій и др. Торжествующая церковь Христова, руководимая Духомъ Божіимъ, подъ вліяніемъ такихъ великихъ мужей утверждалась, расширялась и процвѣтала. Въ концѣ четвертаго вѣка Провидѣніемъ суждено было много потрудиться и положить жизнь свою за истину Христову и Св. Іоанну Златоустому. Св. Іоаннъ въ своихъ много-томныхъ твореніяхъ является намъ и ученымъ Богословомъ, и ораторомъ, и проповѣдникомъ. Послѣ временъ Апостольскихъ ни до Св. Іоанна, ни послѣ никто изъ отцовъ церкви не отличался на поприщѣ проповѣдничества съ такой силой и неотразимымъ вліяніемъ, какъ Іоаннъ. Пятнадцать столѣтій миновало съ того времени, какъ замолкли златословесныя уста Іоанна, а написанное имъ читается съ та-

кимъ же наслажденіемъ, какъ будто все это писано въ наши дни рукою знаменитѣйшаго пастыря-проповѣдника. Какая рѣчь! Какая красота изложенія! Какая жизнь разлита во всѣхъ его твореніяхъ, сколько пищи духовной! Всему этому нельзя довольно надивиться и понынѣ. За его величайшіе труды и неутомимую дѣятельность на поприщѣ церковной проповѣди св. церковь не престаетъ воспѣвать и восхвалять его дарованія: „Устъ твоихъ якоже свѣтлость огня возсіявши благодать вселенную просвѣти". Современники его вполнѣ понимали всю тяжесть незамѣнимой потери для церкви, когда Св. Златоустъ отправленъ былъ въ изгнаніе. Они открыто говорили: „Лучше бы совсѣмъ угасло солнце, нежели умолкли уста Іоанновы". Такъ была тяжка для народа эта величайшая потеря. А потому и мы обратимъ особенное вниманіе на его проповѣдническую дѣятельность. Не знать, не быть знакомымъ съ твореніями Св. Іоанна для христіанъ всѣхъ временъ и народовъ есть величайшая потеря. Знакомство съ твореніями Златоуста можетъ возбудить въ насъ и развить душеспасительную любовь къ чтенію Священнаго писанія, просвѣтить наши мысли, утвердить и укрѣпить вѣру и направить наши стопы на путь миренъ. Св. Евангеліе, Апостолъ и Псалтирь этотъ величайшій проповѣдникъ заставитъ насъ имѣть навсегда настольными книгами. *Вы есте свѣтъ міра*, говорилъ нѣкогда Апостоламъ въ Своей нагорной проповѣди Господь нашъ Іисусъ Христосъ: *не можетъ градъ укрытися верху горы стоя. Ниже вжигаютъ свѣтильника и поставляютъ его подъ спудомъ, но на свѣщницѣ, и свѣтитъ всѣмъ иже въ храминѣ суть. Тако да просвѣтится свѣтъ вашъ предъ человѣки, яко да*

видятъ ваша добрая дѣла: и прославятъ Отца вашего иже на небесѣхъ. И вотъ съ такою точностію и съ такой полнотой исполнились слова Спасителя на Св. Іоаннѣ. (Мѳ. 5, 14—16). Онъ былъ поистинѣ величайшимъ свѣтильникомъ міра, и свѣтомъ своихъ боговдохновенныхъ ученій освѣщалъ весь христіанскій міръ того времени. Такой величайшій проповѣдникъ слова, какъ Іоаннъ, не могъ укрыться отъ словесныхъ овецъ стада Христова, жаждущихъ его вдохновенной проповѣди. Премилосердый Создатель осѣнилъ его такимъ величайшимъ даромъ, что для его святительскихъ дарованій мала и тѣсна была каѳедра даже и Антіохійской церкви. Господу угодно было поставить этотъ свѣтильникъ на самый высокій свѣщникъ—на Константинопольскую каѳедру. Сначала въ Антіохіи подъ мирнымъ и благостнымъ управленіемъ Флавіана, патріарха антіохійскаго, потомъ въ греческой столицѣ—Константинополѣ, при дворѣ Аркадія и Евдоксіи, и, наконецъ, въ періодъ изгнаній и заточеній проповѣдническій геній святителя Іоанна окрѣпъ, возвысился, раскрылся всесторонне, а подъ вліяніемъ благодати просіялъ свѣтомъ божественнымъ.

Св. Іоаннъ родился въ Антіохіи въ 347 г. отъ благородныхъ и образованнѣйшихъ родителей Секунда и Анѳусы. Родители его принадлежали къ лучшему антіохійскому обществу и исповѣдывали христіанскую вѣру. Отецъ его былъ начальникомъ сирійскихъ войскъ и жилъ въ супружествѣ очень краткое время, такъ что добродѣтельная Анѳуса осталась двадцатилѣтней вдовой послѣ мужа, имѣя при себѣ двухъ дѣтей, сына и дочь. Маленькая дочь также недолго утѣшала материнское сердце, подобно своему родителю скоро отошла въ вѣч-

ность, и убитая горемъ Анѳуса все свое вниманіе сосредоточила на воспитаніи своего сына въ строгомъ духѣ древняго христіанскаго благочестія. Св. древность ставитъ ее въ этомъ отношеніи наравнѣ съ знаменитѣйшими женами христіанскими: Моникой, Ноной, Эмиліей, Горгоніей и Макриной, весьма много потрудившимися надъ воспитаніемъ юношества. Но задача Анѳусы по поводу воспитанія и образованія сына была несравненно выше и гораздо труднѣй. Тѣ были аскетически подготовлены къ дѣлу воспитанія своихъ рѣдкихъ дѣтей, но Анѳуса при жизни мужа не могла не принадлежать высшему обществу того времени, а потому аскетическіе пріемы воспитанія ей были мало извѣстны. Оставшись молодой вдовой, убитая горемъ, она долго раздумывала, какъ повести ей своего сына, какъ воспитать его въ строго-христіанскомъ духѣ и какъ оградить и уберечь отъ всѣхъ вредныхъ вляній и свѣтскихъ друзей, а также предохранить и отъ увлеченія тогдашней языческой философіей. Послѣ цѣлаго ряда усиленныхъ думъ и безсонныхъ ночей она рѣшила не отдавать его въ ранніе годы въ тогдашнія школы, а при помощи Божіей, какъ женщина образованная въ строго-христіанскомъ духѣ, рѣшилась сама заняться воспитаніемъ сына. Подъ вляніемъ матери и вдохновляемый ею, юный Іоаннъ занимался изученіемъ Св. Писанія, что дало ему возможность впослѣдствіи твердо противустать увлеченіямъ тонкостями тогдашней философіи. Материнскіе труды и заботы по истеченіи времени принесли обильные плоды въ дѣлѣ воспитанія. Въ душѣ юнаго Іоанна путемъ материнскихъ теплыхъ и усердныхъ молитвъ и неустанныхъ заботъ было положено

твердое и прочное основаніе для будущей великой дѣятельности величайшаго пастыря. Изъ рукъ Анѳусы Св. Іоаннъ могъ спокойно идти въ языческія школы для изученія прикладныхъ наукъ и особенно краснорѣчія, не опасаясь за цѣлость своихъ нравственныхъ убѣжденій. Чтобы еще болѣе ознакомиться съ высокой, незабвенной личностію Анѳусы, необходимо припомнить тѣ материнскія трогательныя просьбы, тѣ мольбы, которыя она нѣкогда высказывала предъ своимъ сыномъ, когда тотъ, сгорая любовію благоугожденія Богу, задумалъ посвятить себя всецѣло строгой аскетической жизни среди полнѣйшаго монастырскаго уединенія, даже вдали отъ горячо любимой матери. Тронутая до глубины души предстоящей разлукой съ сыномъ, безутѣшная мать взяла за руку своего юнаго подвижника и отвела во внутреннія комнаты и тамъ путемъ трогательной мольбы убѣдила его оставить до времени свое благое намѣреніе. Она говорила: „За всѣ мои попеченія прошу одной благодарности—не дѣлать меня во второй разъ вдовицею и скорби уже угасшей не воспламенять снова. Потерпи до моей кончины; можетъ-быть, жизнь моя недолго продолжится. Цвѣтущіе юностью надѣются достигнуть глубокой старости, а мы, состарѣвшіеся, ничего не можемъ ожидать, кромѣ смерти. Когда предашь тѣло мое землѣ и прахъ мой соединишь съ прахомъ отца твоего, тогда предпринимай далекія путешествія, переплывай моря, какія хочешь. Тогда никто не будетъ препятствовать тебѣ. Но доколѣ еще дышу, не разлучайся со мною. Не навлекай на себя напрасно гнѣва Божія, оставляя меня на жертву толикимъ бѣдствіямъ, тогда какъ я ни въ чемъ не виновата

предъ тобою. Хотя ты и говоршь, что у тебя много друзей, но никто изъ нихъ не можетъ доставить тебѣ большаго спокойствія, поелику нѣтъ никого, кто бы заботился о твоемъ благополучіи столько, сколько я“. Слова матери, сопровождаемыя обильными слезами, удержали Св. Іоанна въ домѣ отеческомъ. Этотъ случай такъ повліялъ на самого Іоанна и такое произвелъ глубокое, неотразимое вліяніе, что запечатлѣлся въ душѣ на всю его жизнь, такъ что онъ самъ, много спустя времени, въ одномъ изъ своихъ многочисленныхъ сочиненій дословно воспроизводилъ въ своей памяти все сказанное его великой матерью. Таковъ былъ нравственный образъ этой незабвенной матери-христіанки. И никто не изобразилъ бы ее болѣе яркими красками, какъ ея собственный сынъ, описавшій ее въ первой книгѣ о священствѣ. Здѣсь излилась вся его признательная нѣжность, здѣсь онъ представилъ, какъ она съ неутомимымъ самоотреченіемъ наблюдала за нимъ въ его дѣтствѣ и юности, предоставляя ему всецѣло отдаваться наукамъ и своему вдохновенію.

Изъ всѣхъ учителей, преподававшихъ разныя науки того времени въ общественныхъ школахъ, особенною любовью со стороны Іоанна пользовался язычникъ Ливаній—учитель краснорѣчія и логики. Этотъ знаменитый учитель древности оказалъ съ своей стороны даровитому ученику величайшую услугу. Онъ понялъ и оцѣнилъ и дарованіе ученика, и личныя его качества и старался особенно повліять на ораторскій талантъ будущаго величайшаго проповѣдника и въ этомъ достигъ полнаго успѣха. Св. Іоаннъ такъ успѣвалъ въ краснорѣчіи, что нерѣдко удивлялъ своего учителя. Добро-

душный и честный труженикъ, Ливаній торжествовалъ духомъ, приходилъ въ неописанный восторгъ и даже задумалъ имѣть Іоанна своимъ преемникомъ. На вопросъ, обращенный къ Ливанію: кого онъ считаетъ достойнымъ преемникомъ своимъ, Ливаній отвѣчалъ: „Іоанна, если бы христіане не похитили его у насъ“. Восхваляя личныя качества своего ученика, Ливаній не могъ довольно нахвалиться и материнскими трудами и заботами Анѳусы. „Небеса! какія же женщины у этихъ христіанъ!“ нерѣдко говаривалъ Ливаній.

II.

Получивъ обширное и всестороннее образованіе подъ руководствомъ знаменитыхъ учителей того времени, Іоаннъ, будучи 20-ти лѣтъ, былъ уже отличнѣйшимъ адвокатомъ. Въ этой новой должности онъ на дѣлѣ извѣдалъ, какъ злоба и клевета часто притѣсняютъ невинность и какъ безчестные люди нерѣдко торжествуютъ надъ правдивыми. Со всею силою своего ораторскаго генія онъ сталъ изслѣдовать законы человѣческаго духа и изучать всѣ изгибы и тайны человѣческаго сердца. Предъ испытующимъ взоромъ молодого геніальнаго защитника бѣдныхъ удовольствія свѣта и радости жизни суетной рано потеряли свою силу и привлекательность. Проводя строгую аскетическую жизнь и все болѣе углубляясь въ причины упадка общественной нравственности, онъ, наконецъ, отказался отъ должности адвоката, затворился въ своемъ собственномъ домѣ, прервалъ всѣ связи съ

друзьями и знакомыми и усердно предался молитвѣ, чтенію Священнаго писанія и твореній знаменитыхъ отцовъ церкви. Въ то время епископствовалъ въ Антіохіи Мелетій, человѣкъ высокой жизни и исполненный великихъ дарованій. Народъ антіохійскій такъ любилъ и чтилъ своего архипастыря, что въ честь его давалъ своимъ дѣтямъ имена, вырѣзывалъ даже его имя на любимыхъ и цѣнныхъ предметахъ. Святый Мелетій полюбилъ Іоанна и часто приглашалъ его къ себѣ для духовной бесѣды. На 23-мъ году, какъ объ этомъ повѣствуетъ другъ и біографъ Св. Златоуста—Палладій, епископъ геленопольскій, Іоаннъ принялъ отъ епископа Мелетія крещеніе; съ величайшимъ благоговѣніемъ приступилъ онъ къ таинству, усыновлявшему его Богу, и съ этихъ поръ такъ строго наблюдалъ за собою, что никогда не употреблялъ клятвы, не позволялъ себѣ не только злословія, но и малѣйшей шутки надъ ближнимъ. Мелетій вскорѣ опредѣлилъ его чтецомъ при своей церкви.

Въ этомъ періодѣ своей жизни Іоаннъ не прекращалъ сношеній своихъ только съ однимъ изъ школьныхъ друзей—Василіемъ. Между Іоанномъ и Василіемъ въ ихъ занятіяхъ, стремленіяхъ, убѣжденіяхъ и взглядахъ было полнѣйшее единодушіе. Какъ тотъ, такъ и другой стремился совлечься ветхаго человѣка и облечься въ новаго благодатнаго. Господь судилъ имъ обоимъ быть епископами и руководителями словеснаго Христова стада. И сами они какъ будто предчувствовали свое призваніе, а потому ревностно и усердно приготовляли себя къ архипастырству. Въ это время Анѳусы не было въ живыхъ, и Іоанна уже ничто не мог-

ло остановить и задержать на пути ревностнаго самоусовершенствованія. Св. Іоаннъ вмѣстѣ съ другомъ своимъ Василіемъ въ своихъ дружескихъ бесѣдахъ давно рѣшилъ, что строгая аскетическая жизнь служитъ лучшимъ и надежнымъ приготовленіемъ къ святительству, чтобъ учить другихъ тѣмъ или другимъ добродѣтелямъ, необходимо самимъ на себѣ путемъ опыта все это извѣдать. А потому Св. Іоаннъ и рѣшился поступить въ число монашествующихъ. Мѣстомъ аскетическихъ своихъ подвиговъ Св. Іоаннъ избралъ одну изъ обителей, находящихся въ сосѣдствѣ съ Антіохіей. Городъ Антіохія расположенъ былъ по берегамъ рѣки Оронта, съ западной стороны защищенъ былъ длинной цѣпью горъ, тянувшихся съ юга на сѣверъ. Вершины этихъ горъ покрыты были лѣсомъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ разрывались глубокими ущеліями, внизу которыхъ разстилались живописныя долины. Подобно египетскимъ и палестинскимъ горамъ, эти горы съ самыхъ первыхъ вѣковъ христіанства были населяемы пустынниками. Въ одинъ изъ сихъ монастырей заключился Св. Іоаннъ, отдавъ себя въ полное руководство одному изъ самыхъ строгихъ подвижниковъ. Діодоръ Тарсійскій, другъ Мелетія, былъ руководителемъ Златоуста на поприщѣ духовнаго преуспѣянія. Онъ былъ начальникомъ Антіохійскаго пустынножительства. Въ этомъ уединеніи Златоустъ пробылъ шесть лѣтъ, и Господь сподобилъ его достигнуть такой высоты воздержанія и святости, что онъ чудесно врачевалъ недужныхъ и больныхъ и даже сподобился однажды чуднаго видѣнія. Ночью явились ему два мужа, озаренные необычайнымъ свѣтомъ: то были святые апостолы Іоаннъ и Петръ. „Я—Іоаннъ, ска-

залъ первый,—возлегшій на персяхъ Господа во время тайной вечери и оттуда почерпнувшій божественныя откровенія. Даетъ и тебѣ Богъ увидать глубину премудрости, да питаешь людей негибнущею пищею ученія и да заграждаешь уста тѣхъ, которые превратно толкуютъ законъ Бога нашего". Петръ, вручивъ Іоанну ключъ, сказалъ ему: „Даетъ тебѣ Богъ ключъ церквей святыхъ, да будетъ связанъ тотъ, кого свяжешь, и разрѣшенъ тотъ, кого разрѣшишь". Упавъ ницъ, Іоаннъ воскликнулъ въ смиреніи глубокомъ: „Кто я, чтобы дерзнулъ принять и понести такое служеніе; я человѣкъ грѣшный и ничтожный!"—„Мужайся, крѣпись! сказали апостолы,—исполняй повелѣнное тебѣ, не утаи дара, даннаго тебѣ Богомъ на просвѣщеніе людей Его. Провозглашай смѣло слово Божіе, помня, что Господь сказалъ: не бойся, малое стадо; яко благоизволи Отецъ дать вамъ царство. И ты не бойся, ибо Господь благоволитъ просвѣтить тобою души многихъ. Ты много вытерпишь скорби и гоненій правды ради; но перенеси все твердо и внидешь въ наслѣдіе Божіе". Іоаннъ еще умножилъ труды свои, готовясь къ служенію, на которое указывалъ ему Господь. Онъ на время удалился изъ обители и въ уединенной пещерѣ укрѣплялъ душу свою постоянною молитвою, въ борьбѣ съ самимъ собою пріобрѣталъ духовную опытность. Вдали отъ шума мірскаго, бесѣдуя съ Богомъ, созерцая красоту Его творенія, душа Іоанна все болѣе и болѣе приближалась къ источнику свѣта и жизни. Но труды подвижнической жизни такъ разстроили здоровье Іоанна, что черезъ нѣсколько лѣтъ онъ принужденъ былъ возвратиться въ Антіохію. Онъ навсегда сохранилъ

благодарное воспоминаніе о тихой иноческой жизни; во многихъ бесѣдахъ своихъ онъ впослѣдствіи краснорѣчиво описалъ спокойствіе и тишину пустынныхъ обителей, до которыхъ не доходитъ шумъ мірской суеты, гдѣ всѣ лишь думаютъ о томъ, какъ бы угодить Богу. Вскорѣ по возвращеніи его въ Антіохію св. Мелетій посвятилъ его въ діаконы; а въ 386-мъ году Флавіанъ, преемникъ Мелетія, возвелъ его въ санъ священника, не причисливъ его къ особенной церкви, но поручивъ ему должность проповѣдника.

Съ принятіемъ благодати священства для Златоуста вполнѣ сдѣлался яснымъ и опредѣленнымъ его жизненный путь и рамки его просвѣтительной проповѣднической дѣятельности сдѣлались болѣе опредѣленными. Онъ священствовалъ въ Антіохіи двѣнадцать лѣтъ и въ этотъ тихій, безмятежный періодъ были написаны имъ самыя лучшія изъ его безсмертныхъ твореній. Здѣсь написаны бесѣды къ антіохійскому народу по случаю низверженія царскихъ статуй, бесѣды на книгу Бытія, на Свв. Евангелистовъ: Матѳея, Іоанна и почти на всѣ посланія ап. Павла. Его проповѣдническій геній здѣсь, въ Антіохіи, вполнѣ раскрылся и расцвѣлъ, потому что внѣшнія обстоятельства благопріятствовали его цвѣтенію. Съ одной стороны, благостное и вполнѣ отеческое отношеніе патріарха Флавіана, а съ другой—пламенная любовь народа.

Антіохія была знаменательнымъ городомъ, гдѣ впервые была проповѣдана вѣра язычникамъ, и гдѣ въ первый разъ было произнесено самое имя христіанина. Во времена же Златоуста Антіохія была послѣ Константинополя второй столицей Востока для греческихъ императоровъ. Въ этой вто-

рой греческой столицѣ былъ замѣчательный храмъ подъ названіемъ Великой церкви, у которой высочайшій куполъ опирался на корпусъ восьмиугольнаго зданія. Въ ней часто проповѣдывалъ Св. Златоустъ.

Въ періодъ пребыванія Іоанна въ Антіохіи въ санѣ священника и проповѣдника произошло народное возмущеніе по случаю низверженія царскихъ статуй. Вскорѣ по вступленіи на императорскій престолъ Θеодосія Великаго, чтобы покрыть государственные расходы по военному вѣдомству и пополнить царскую казну, обнародованъ былъ указъ этого государя о новыхъ тяжкихъ налогахъ. Публичное чтеніе этого указа во всѣхъ городахъ имперіи произвело ужасный ропотъ и недовольство. Но нигдѣ возмущеніе народное не приняло такихъ ужасающихъ размѣровъ, какъ въ Антіохіи. Толпы народа, воспламененныя гнѣвомъ, не признавали болѣе ни законовъ, ни царя, ни властей. Буйная антіохійская чернь вторгалась въ домы именитыхъ начальниковъ города, ниспровергала статуи, разрушала всякія украшенія и зажигала домы нѣкоторыхъ частныхъ лицъ. Неистовство народа дошло до того, что Антіохіяне не пощадили даже статуй умершей супруги царя—Флакиллы и отца ея — Θеодосія. Низвергнувъ ихъ съ пьедесталовъ, на веревкахъ влачили по городу и, наконецъ, разбили ихъ. Прошло довольно времени, гнѣвъ народа сталъ утихать, Антіохійцы, пришедъ въ себя, стали страшиться гнѣва царскаго и всѣ трепетали за свою жизнь, съ часу на часъ ожидая казни. Чтобы умилостивить царя, для этого былъ избранъ престарѣлый архіепископъ Флавіанъ, который, несмотря на свою болѣзнь и

преклонныя лѣта, отправился въ Константинополь умолять императора о пощадѣ Антіохіи. Настала пора страшнаго ожиданія. Когда миновалъ гнѣвъ разъяренной толпы и возмущеніе народное нѣсколько утихло, неистовство буйныхъ смѣнилось страхомъ наказанія, тогда Златоустъ взошелъ на каѳедру и сталъ проповѣдывать. Ему хотѣлось утишить волненіе и успокоить боязливыхъ. Ему въ это время внимало въ безмолвіи двухсотъ-тысячное населеніе и отъ временъ апостольскихъ не было такой проповѣди; никогда между пастыремъ и пасомыми не было болѣе полнаго общенія. Великій проповѣдникъ въ своихъ проповѣдяхъ, исполненныхъ высшей драматической силы, такъ сказать, игралъ на чувствахъ народа, какъ на струнахъ арфы. И вотъ въ это-то время для народа антіохійскаго Св. Златоустъ сдѣлался единственной опорой и утѣшеніемъ. Онъ изощрилъ свой ораторскій умъ и былъ дѣйствительно ангеломъ-утѣшителемъ скорбящихъ. „Предайте мнѣ ваши души, взывалъ онъ къ народу,—преклоните вашъ слухъ, отбросьте печаль: возвратимся къ прежнему обычаю и, какъ привыкли мы всегда быть здѣсь съ благодушіемъ, такъ и теперь сдѣлаемъ, возложивъ все на Бога". Народъ въ великомъ множествѣ собирался слушать его. Несчастные, казалось, забывали свой страхъ и опасеніе, стоя предъ святымъ жертвенникомъ. Слово, голосъ Св. Златоуста, сочувствіе къ скорбящимъ, выражавшееся въ самомъ его произношеніи,—все это водворяло спокойствіе въ душахъ, возмущаемыхъ страшною тревогою чувствъ и мыслей. Онъ произнесъ въ это время 19-ть словъ, которыя по силѣ своихъ убѣжденій и неподражаемому краснорѣчію превосходили все,

что только лучшаго произвели Римъ и Аѳины со стороны ораторскаго искусства. „Опустѣла площадь, говорилъ онъ,—но наполнилась церковь. Вы и ваша совѣсть—свидѣтели, сколько пользы мы получили отъ настоящаго искушенія. Невоздержанный теперь сдѣлался цѣломудреннымъ, дерзкій болѣе стромнымъ, безпечный заботливымъ".

Но что же Флавіанъ и чѣмъ увѣнчалось его ходатайство? Старецъ, согбенный подъ тяжестію старческихъ немощей и преклонныхъ лѣтъ, изнемогалъ отъ утомительности столь длиннаго пути; но любовь и попеченіе о своемъ стадѣ воодушевляли его мужество и какъ бы окрыляли. Господь видимо благословлялъ Антіохійскаго архипастыря, видимо укрѣплялъ и поддерживалъ его. Великому старцу, несмотря на его болѣзнь, пришлось проѣхать 1200 верстъ и оставить умирающую сестру. Но онъ все вынесъ, все претерпѣлъ и, наконецъ, прибылъ въ Константинополь; вотъ входитъ онъ въ тѣ палаты, гдѣ царствовали пышность и великолѣпіе, и вотъ предстоитъ уже предъ лицомъ Ѳеодосія. Но сначала, какъ только „вступилъ онъ въ царскія палаты,—остановился вдали отъ царя, безгласенъ, проливая слезы, склонивъ лицо внизъ, закрываясь, какъ будто самъ онъ сдѣлалъ всѣ тѣ дерзости" (въ которыхъ виновны были его сограждане). „Царь, увидя его плачущимъ и поникшимъ долу, самъ подошелъ къ нему и, чтó чувствовалъ онъ изъ-за слезъ святителя, то выразилъ словами, обращенными къ нему. Это были слова негнѣвающагося и негодующаго, но скорѣе скорбящаго и объятаго тяжкою печалію. Не сказалъ царь: что это значитъ? идёшь ты ходатайствовать за людей негодныхъ и непотребныхъ, которымъ бы и жить

не слѣдовало,—за непокорныхъ, за возмутителей, достойныхъ всякой казни? Нѣтъ, оставивъ всѣ эти слова, онъ сложилъ рѣчь, исполненную скромности и важности. „За какія обиды сдѣлали они мнѣ эту месть? говорилъ царь. Въ чемъ маломъ или великомъ могутъ они винить меня, что нанесли оскорбленіе не только мнѣ, но и умершимъ? Не всегда ли предпочиталъ я этотъ городъ всѣмъ и не считалъ ли его любезнѣе родного города? И не всегдашнимъ ли моимъ желаніемъ было увидѣть этотъ городъ, и не предъ всѣми ли давалъ я эту клятву? „Здѣсь святитель, горько возстенавъ и проливъ горчайшія слезы, не сталъ уже долѣе молчать, а повелъ предъ Ѳеодосіемъ такую рѣчь: „Исповѣдуемъ и не можемъ отрицать, государь, эту любовь, которую показалъ ты къ нашему отечеству, и поэтому-то особенно плачемъ, что демоны позавидовали столь любимому городу и мы оказались неблагородными передъ благодѣтелемъ и прогнѣвали сильно любящаго насъ. Разрушь, сожги, умертви или другое что сдѣлай: все еще не накажешь насъ по заслугамъ; мы сами предварили поставить себя въ такое положеніе, которое хуже тысячи смертей. Но если хочешь, государь, есть врачество и средство противъ столькихъ золъ... Когда Богъ создалъ человѣка, ввелъ въ рай и удостоилъ великой чести, діаволъ, не терпя такого счастія, позавидовалъ ему и низринулъ его съ данной ему высоты. Но Богъ не только не оставилъ его, но еще вмѣсто рая отверзъ намъ небо. Сдѣлай это и ты: демоны подвигли теперь все, чтобы лишить твоего благоволенія городъ, болѣе всѣхъ любезный тебѣ; зная это, накажи насъ, какъ хочешь, только не лишай прежней любви“. Далѣе

св. пастырь, умоляя царя о дарованіи народу прощенія, говорилъ, что его человѣколюбіе сплететъ ему вѣнецъ несравненно драгоцѣннѣйшій его діадимы и воздвигнетъ несравненно большее количество статуй въ благодарной памяти людей. „Низвергнули твои статуи?—но можно тебѣ воздвигнуть болѣе тѣхъ блистательныя. Если простишь вину оскорбившихъ и не подвергнешь ихъ никакому наказанію—они воздвигнутъ тебѣ не мѣдный, не златый и не каменный столбъ на площади, но такой, который дороже всякаго вещества, украшенный человѣколюбіемъ и милосердіемъ. Такъ, каждый изъ нихъ поставитъ тебя въ сердцѣ своемъ, и у тебя будетъ столько статуй, сколько есть и будетъ людей во вселенной. Не только мы, но и наши потомки, и потомки ихъ,—всѣ услышатъ объ этомъ и подивятся, и полюбятъ тебя, какъ будто они сами получили благодѣяніе. Подумай, говоритъ святитель царю, что теперь должно тебѣ позаботиться не только объ этомъ городѣ, но и о твоей славѣ, даже о всемъ христіанствѣ. Теперь и Іудеи, и язычники, и вся вселенная, и варвары обратили взоры на тебя и ждутъ, какой произнесешь приговоръ по этому дѣлу. И если произнесешь приговоръ человѣколюбивый и кроткій, всѣ похвалятъ такое рѣшеніе, прославятъ Бога и скажутъ другъ другу: вотъ каково могущество христіанства! Человѣка, которому нѣтъ равнаго на землѣ, который властенъ все погубить и разрушить, оно удержало и обуздало, и научило терпѣнію, какого и частный человѣкъ не показывалъ. Истинно великъ Богъ христіанскій: изъ людей Онъ дѣлаетъ ангеловъ. Что же касается до Антіохійцевъ, то они и тогда, когда обречены были бы на смерть, не стра-

дали бы такъ, какъ страдаютъ теперь, проводя столько дней въ страхѣ и трепетѣ и по наступленіи вечера не надѣясь увидѣть зарю, и съ появленіемъ дня не надѣясь дожить до вечера. Многіе даже сдѣлались добычею звѣрей, послѣ того какъ убѣжали въ пустыни и переселились въ мѣста непроходимыя; не только мужчины, но и малыя дѣти, и благородныя и прекрасныя жены въ продолженіе многихъ ночей и дней скрываются въ пещерахъ, пропастяхъ и рвахъ пустынныхъ. Новаго рода плѣнъ постигъ нашъ городъ: домы и стѣны цѣлы, а жители бѣдствуютъ хуже погорѣвшихъ городовъ; нѣтъ ни одного варвара, не видно непріятеля, а они несчастнѣе плѣнниковъ, и движеніе одного листа пугаетъ ихъ каждодневно". Сказавъ это и еще большее этого, святитель такъ тронулъ царя, что онъ, какъ ни старался скрывать свои чувства, не могъ однако же, наконецъ, удержаться отъ слезъ и въ отвѣтъ святителю произнесъ такое слово, которое украсило его гораздо болѣе діадимы. „Что удивительнаго и великаго, сказалъ онъ, если перестанемъ гнѣваться на оскорбившихъ: на человѣковъ—мы человѣки же, когда Владыка вселенной, пришедши на землю и ради насъ сдѣлавшись рабомъ и будучи распятъ облагодѣтельствованными Имъ, молилъ Отца о распявшихъ Его такъ: отпусти имъ: не вѣдятъ бо, что творятъ (Лук. 23, 24); такъ, что̀ удивительнаго, если мы простимъ подобнымъ намъ рабамъ". Флавіанъ, проникнутый искреннѣйшею признательностію къ царю за оказанную милость, просилъ у него позволенія провесть праздникъ Пасхи вмѣстѣ съ нимъ въ Константинополѣ. Но царь, побуждаемый истинно христіанскимъ желаніемъ подать утѣ-

шеніе скорбѣвшимъ, давъ ему письмо къ Антіохійцамъ, побуждалъ патріарха скорѣе возвратиться къ нимъ. „Знаю, сказалъ онъ,—что теперь души ихъ возмущены и много еще слѣдовъ несчастія: иди—утѣшь. Когда увидятъ кормчаго, то и не вспомнятъ о минувшей бурѣ, но совсѣмъ изгладятъ и самую память о бѣдствіяхъ“. (Бесѣда 19-я).

Не было границъ народной радости, когда въ злополучную Антіохію была принесена первая радостная вѣсть о помилованіи. По возвращеніи Флавіана съ доброю вѣстію къ Антіохійцамъ многіе изъ язычниковъ обратились въ христіанство. И какъ только радостная вѣсть распространилась по Антіохіи, то весь городъ всталъ на ноги, оживился духомъ, и по зову Златоуста всѣ потекли въ храмы, изъ которыхъ почти не выходили, чтобы принести благодарную хвалебную пѣснь Тріединому Богу за свое спасеніе и подъ вліяніемъ радостнѣйшихъ чувствъ вновь съ услажденіемъ послушать своего незабвеннаго проповѣдника. Съ этого времени между народомъ и антіохійскимъ проповѣдникомъ образовалась твердая, незыблемая нравственная связь. Народъ любилъ и высоко цѣнилъ своего молодого пастыря, такъ что когда любимецъ ихъ былъ назначенъ на Константинопольскую каѳедру, то народъ, противясь указу императора, долго не рѣшался отпустить его, такъ что пришлось его взять отъ нихъ тайно. Между тѣмъ слава о необыкновенныхъ дарованіяхъ антіохійскаго проповѣдника, распространяясь все далѣе и далѣе, наконецъ достигла и Константинополя. Въ столицѣ много говорили о необыкновенномъ пресвитерѣ-проповѣдникѣ и всѣ единодушно желали и видѣть и слышать Златоуста. Случай къ тому

скоро представился: около этого времени скончался патріархъ Константинопольскій—Нектарій, и всѣ заговорили въ столицѣ, что на его мѣсто непремѣнно будетъ избранъ безпримѣрный проповѣдникъ Іоаннъ Златоустъ, такъ какъ имя Іоанна было извѣстно и двору. Народная молва скоро оправдалась и Константинопольскимъ патріархомъ императоръ Аркадій дѣйствительно назначилъ Іоанна.

III.

Со вступленіемъ Златоуста на Константинопольскую каѳедру для него окончились тѣ благодатные, тихіе дни добраго дѣланія на нивѣ Христовой, которыми онъ наслаждался въ дорогой его сердцу Антіохіи. Шесть лѣтъ епископствовалъ онъ въ Константинополѣ и въ эти годы не столько было дней счастливыхъ, свѣтлыхъ, сколько печальныхъ и темныхъ. Въ столицѣ для него настал новый періодъ жизни—періодъ тяжелыхъ трудовъ, скорбей и лишеній. Хотя народъ константинопольскій съ восторгомъ встрѣтилъ новаго знаменитаго проповѣдника и святителя, но нашлось много и такихъ, которымъ вовсе не нравился Златоустъ. Многіе изъ епископовъ и пресвитеровъ сами домогались назначенія на Константинопольскую каѳедру. Изнѣженной столицѣ и изнѣженному столичному духовенству могъ ли понравиться такой подвижникъ и строгій аскетъ, какимъ былъ новый святитель? Нектарій, предшественникъ Златоуста, отличался свѣтскою пышностію. Нельзя не удивляться реформѣ, произведенной новымъ архіепископомъ въ

епископскомъ домѣ. Нектарій сдѣлалъ изъ своего дома настоящій дворецъ; онъ жилъ тамъ такъ же, какъ привыкъ жить въ бытность свѣтскимъ человѣкомъ, тщеславнымъ вельможей, принимающимъ за своимъ обѣдомъ или на изысканномъ пиршествѣ тѣхъ префектовъ, съ которыми онъ соперничалъ въ роскоши. Св. Златоустъ, сынъ главнаго начальника, привыкъ въ юности къ тому же образу жизни, какъ и Нектарій, но скоро предпочелъ ему суровые подвиги аскетизма, продалъ цѣнные предметы, казавшіеся ему безполезными, и заперъ дверь своего дома для празднолюбцевъ. Не домогаясь милости сильныхъ, онъ не посѣщалъ вельможъ, не звалъ ихъ къ себѣ на пиры, а былъ постоянно занятъ или дѣлами паствы, или молитвою, или изученіемъ Св. писанія. Къ крайнему своему огорченію онъ и въ духовенствѣ нашелъ себѣ мало сподвижниковъ достойныхъ; большинство было равнодушно къ святымъ своимъ обязанностямъ и заражено любовію къ земнымъ благамъ, къ роскоши и почестямъ. Видя все это, Св. Златоустъ при первомъ же обзорѣ своей епархіи многихъ подвергъ монастырскому испытанію, а иныхъ замѣстилъ другими. При такомъ испытующемъ, строгомъ отношеніи къ паствѣ въ изнѣженномъ духовенствѣ Златоустъ мало нашелъ себѣ сторонниковъ, а скорѣе нажилъ себѣ на первыхъ же порахъ непримиримыхъ враговъ и зложелателей. Ко всему этому даже изъ числа епископовъ оказалось много такихъ, которые не могли простить ему того, что онъ при своихъ геніальныхъ способностяхъ превосходилъ ихъ во всемъ. Во главѣ недовольныхъ епископовъ сталъ богатый Африканскій епископъ Ѳеофилъ; затѣмъ Северіанъ Габальскій, Акакій Берійскій и

Антіохъ Птолемаидскій тоже были въ числѣ враговъ святителя Іоанна. Евтропій, первый министръ императора, преслѣдовалъ Златоуста за то, что тотъ не мирился съ его неправдами и безбоязненно возвышалъ свой обличительный голосъ противъ злоупотребленій временщика. Но самымъ сильнымъ, опаснымъ и могущественнѣйшимъ врагомъ, въ рукахъ котораго были всѣ средства вредить Златоусту, была царица Евдоксія — супруга императора Аркадія. Послѣ паденія Евтропія императрица Евдоксія вполнѣ овладѣла слабымъ Аркадіемъ. Она была женщина крайне сребролюбивая; чтобы обогатить казну свою, она не гнушалась никакими средствами для достиженія своей цѣли: дѣлала ложные доносы, забирала чужое имущество. Іоанну часто приходилось защищать обижаемыхъ ею и ходатайствовать за нихъ, что чрезвычайно оскорбляло Евдоксію. Она возненавидѣла смѣлаго защитника и не скрывала чувствъ своихъ. Этимъ воспользовались враги Іоанна; увѣренные, что императрица поддержитъ ихъ, они стали смѣлѣе дѣйствовать противъ Златоуста. Однажды въ Константинополь прибыло нѣсколько Нитрійскихъ монаховъ, до глубины души оскорбленныхъ и обиженныхъ Θеофиломъ Александрійскимъ. Они искали защиты у святителя Іоанна, который принялъ, выслушалъ ихъ благосклонно и только послалъ письмо къ Θеофилу, въ которомъ просилъ его братски отнестись къ несчастнымъ. Но Θеофилъ принялъ все это за личное оскорбленіе; прибылъ въ столицу и, не посѣтивъ патріарха, приблизился ко двору и сталъ тайно дѣйствовать противъ Іоанна. Въ императрицѣ скоро онъ нашелъ сочувствіе, составилъ ложный соборъ близъ Халкидона (Дубскій соборъ 403 г.) и, обвинивъ святителя, низложилъ его. До-

стойно замѣчанія то обстоятельство, что Ѳеофилъ привезъ съ собою изъ Африки несмѣтныя богатства для подарковъ и для подкуповъ ложныхъ судей надъ Златоустомъ. Имъ привезено было все цѣнное Александріи и Египта и даже далекой Индіи. Въ столицѣ Ѳеофилъ давалъ роскошные обѣды и пиры всѣмъ вліятельнымъ людямъ и входилъ въ сношенія съ недоброжелателями Іоанна. Іоанна Златоуста обвиняли въ крайней строгости, съ одной стороны, и въ излишней снисходительности—съ другой, обвиняли и въ томъ, что онъ обѣдалъ одинъ и не приглашалъ къ себѣ гостей. Но болѣе всего опирались на оскорбительныя слова, произнесенныя будто бы въ одной изъ бесѣдъ Іоанномъ противъ императрицы. Нечего и говорить о томъ, какимъ плѣнительнымъ свѣтозарнымъ свѣтомъ въ глазахъ всѣхъ благомыслящихъ людей сіяла безупречность и святость Іоанна передъ низостью, злобой и лукавствомъ враговъ.

Когда вѣсть о низложеніи Златоуста разнеслась по городу, то весь Константинополь пришелъ въ волненіе. Со всѣхъ концовъ столицы устремился народъ къ соборному храму св. Софіи и архіерейскому дому, соединенному съ нимъ галлереею, и днемъ и ночью окружалъ ихъ какъ бы живою стѣною, охраняя горячо любимаго пастыря.

Когда по приговору Дубскаго собора и по усиленнымъ проискамъ враговъ, при содѣйствіи императрицы былъ подписанъ Аркадіемъ приговоръ о заточеніи Св. Іоанна и когда онъ, повинуясь этому приговору, оставилъ Константинополь и отплылъ къ Малоазійскому берегу, то въ эту же ночь сдѣлалось страшное землетрясеніе. Подземные удары были особенно сильны около

царскаго дворца и въ самомъ дворцѣ. Среди ночи императрица Евдоксія въ ужасѣ, вся въ слезахъ, вбѣжала къ императору. „Мы изгнали праведника, воскликнула она,—и Господь за то караетъ насъ. Надобно его немедленно возвратить, иначе мы всѣ погибнемъ“. Императоръ, разумѣется, согласился. Евдоксія сама написала Іоанну письмо, въ которомъ, завѣряя его, что она невиновна въ его осужденіи, именемъ Бога умоляла его возвратиться. Нѣсколько гонцовъ было послано—одинъ за другимъ за удаляющимся, осужденнымъ незаконно, святителемъ. Іоаннъ по полученіи письма немедленно возвратился при радостныхъ кликахъ народа. Но пребываніе его въ столицѣ было непродолжительно. Не прошло и двухъ мѣсяцевъ, какъ императрица Евдоксія вновь воспылала ненавистію и злобой къ Іоанну. Честолюбивая и властолюбивая царица, упоенная властію, однажды настояла на томъ, чтобы въ честь ея была поставлена на городской площади серебряная статуя. При открытіи этой статуи, которая была поставлена вблизи Софійскаго собора, пѣніе, неистовые крики народа, громкая военная музыка—мѣшали отправленію богослуженія. Іоаннъ сдѣлалъ зависящія отъ него распоряженія къ устраненію безпорядковъ, но начальникъ города не внялъ его просьбѣ; тогда онъ сказалъ обличительную проповѣдь, которая начиналась словами. „Опять Иродіада пляшетъ, опять Иродіада волнуется, опять требуетъ главы Іоанна.“ Враги святителя конечно не замедлили съ различными добавленіями донести Евдоксіи о всемъ, что говорилъ Златоустъ, и къ этому обвиненію прибавили много другихъ и вновь у слабодушнаго Аркадія испросили новый приговоръ сослать Іоан-

на на дальный востокъ въ заточеніе, изъ котораго святитель болѣе уже не возвращался. Разсказываютъ историки, что въ то время когда Іоаннъ былъ сосланъ во второй разъ и удаленъ изъ столицы, то изъ храма, отъ самой каѳедры, гдѣ проповѣдывалъ святитель, вышелъ огонь и разлился опустошительнымъ пожаромъ по всему городу.

Мы говорили въ свое время о томъ, что та же взаимная любовь и та же тѣсная связь съ народомъ, какъ и въ Антіохіи, образовалась у великаго учителя и въ Константинополѣ. Теперь мы укажемъ на тѣ моменты церковно-общественной жизни, гдѣ всего ярче выступаетъ безпримѣрная любовь народа къ Златоусту, а также и самого святителя къ пасомымъ. Чувство любви и глубочайшаго уваженія всегда обнаруживается рѣзче и яснѣе при взаимной разлукѣ.

Такъ было и съ Златоустомъ. Когда этотъ святитель, по проискамъ враговъ и приближенныхъ царицы Евдоксіи, былъ неоднократно ссылаемъ въ отдаленныя Малоазійскія селенія и когда опять былъ возвращаемъ, то народъ особенно трогательно провожалъ его, а также и встрѣчалъ.

Въ часы желанной встрѣчи или горестной разлуки народъ весь, поголовно стремился къ тому мѣсту, гдѣ былъ досточтимый Іоаннъ. Въ домахъ оставались только увѣчные и престарѣлые. Матери съ грудными младенцами, несмотря иногда на позднее время, выходили къ возморью... Весь народъ былъ со свѣтильниками въ рукахъ, такъ что побережье Константинопольское на далекое пространство было залито свѣтомъ. Въ этотъ періодъ скорбей и тяжкихъ взаимныхъ страданій много было сказано Златоустомъ чудныхъ, возвышен-

ныхъ бесѣдъ, которыя навсегда останутся лучшимъ памятникомъ церковной проповѣди. „Я радуюсь и торжествую... Какъ бы летаю на крыльяхъ и величія моей радости не могу выразить, говорилъ онъ народу по возвращеніи изъ своего заточенія.—Что же я сдѣлаю? Какъ покажу восторгъ души моей? Призываю во свидѣтельство ваше сознаніе, ибо вижу, какъ отъ моего прибытія оно исполнилось радости, а эта радость мой вѣнецъ, моя похвала. Ибо если присутствіе мое, одного человѣка исполнило столь многочисленный народъ такою радостію, то какая думаете, радость объяла меня при свиданіи съ вами? Я рабъ вашей любви: ибо вы купили меня, не деньги уплативъ, а выражая любовь свою. Радуюсь, что я преданъ въ такое служеніе и никогда не желаю освободиться отъ этого рабства; ибо это служеніе для меня прекраснѣе свободы, это служеніе дало мнѣ мѣсто на этой священной каѳедрѣ; это служеніе не отъ необходимости, а отъ воли. Подлинно, кто съ полною охотою не сталъ бы служить вашей любви, такимъ превосходнѣйшимъ любителямъ? Если бы я имѣлъ даже каменную душу, вы сдѣлали бы ее мягче воска. Что скажу о вашемъ благожеланіи и расположеніи, которое вы показали вчера, когда радостные голоса ваши проникали небо? Вы освящали самый воздухъ и изъ города сдѣлали церковь; я былъ чтимъ, а Богъ прославляемъ; еретики покрывались стыдомъ, а церковь увѣнчивалась. Нужны ли слова? Самые камни взываютъ, стѣны издаютъ голосъ. Ступай въ царскіе чертоги, и ты услышишь: народъ Константинопольскій. Ступай на море, въ пустыню, въ горы, въ дома, вездѣ изображается ваша хвала.

Чѣмъ побѣдили вы? не деньгами, а вѣрою. О, народъ любящій учителя! О, народъ любящій отца. Блаженный городъ, не своими колоннами и золотою кровлею, но вашею добродѣтелію. Столько козней, и молитвы ваши побѣдили; и весьма справедливо, ибо усердны были молитвы, и текли источники слезъ. У тѣхъ стрѣлы, а у васъ слезы, у тѣхъ ярость, а у васъ кротость; дѣлай что хочешь, а вы молитесь. Гдѣ же теперь тѣ, которые противились? Брались ли мы за оружіе? Натягивали ли луки? Пускали ли стрѣлы? Мы молились и тѣ побѣжали. Они разсѣялись, какъ паутина; а вы стоите, какъ скала. Блаженъ я чрезъ васъ. И прежде я зналъ, какимъ владѣю богатствомъ, но теперь пришелъ въ удивленіе". Или вотъ еще укажемъ мы на случай, когда святитель говорилъ въ томъ же духѣ. Какъ только горестная вѣсть о заточеніи Златоуста во второй разъ дошла до слуха святителя, то онъ не медля вошелъ на каѳедру и началъ такъ свою рѣчь съ своей любимой паствой. „Чего не потерпѣлъ бы я за васъ? Вы мнѣ сограждане, вы мнѣ отцы, вы мнѣ братья, вы мнѣ дѣти, вы мнѣ члены, вы мнѣ тѣло, вы мнѣ свѣтъ, даже гораздо усладительнѣе этого свѣта. Ибо доставляютъ ли мнѣ солнечные лучи что-нибудь такое, что ваша любовь? Солнечные лучи приносятъ мнѣ пользу въ настоящей жизни, а ваша любовь сплетаетъ мнѣ вѣнецъ въ будущей. Это говорю я въ уши слушающихъ; а какія уши усерднѣе вашихъ къ слушанію". Чтобы еще болѣе оттѣнить свѣтлую личность Іоанна скажемъ нѣсколько словъ о его удивительномъ великодушіи и пасторской неустрашимости. Во времена Златоуста существовало при церкви право убѣжища. Всѣхъ обижен-

ныхъ и осужденныхъ неправедно принимала подъ свое покровительство и защиту св. церковь, и уже свѣтская власть не могла исхитить никого изъ этого св. убѣжища. Когда уличенъ былъ въ измѣнѣ первый министръ Аркадія Евтроній и приговоренъ къ смертной казни, то Златоустъ вопреки распоряженіямъ императора далъ ему право убѣжища при церкви. Мелочный и упорный императоръ Аркадій пришелъ въ бѣшенство; но патріархомъ Константинопольскимъ даже была сказана защитительная рѣчь по дѣлу консула Евтропія. Когда обо всемъ этомъ было доложено императору, то патріархъ среди двойного ряда копій и мечей приведенъ былъ прямо во дворецъ къ императору. Слабодушный Аркадій конечно не устоялъ противъ краснорѣчиваго защитника и повелѣлъ, чтобы право убѣжища не было нарушено. Другой примѣръ: Гайна, начальникъ Готовъ, однажды сталъ просить у Аркадія, чтобы онъ уступилъ аріанамъ одну церковь въ Константинополѣ. Царь былъ готовъ согласиться на это требованіе, потому что боялся, какъ бы Гайна не возмутилъ всѣхъ подвластныхъ ему Готовъ; Іоаннъ же явилъ при этомъ непоколебимую твердость и рѣшительно отказался предать церковь Божію хулителямъ Христа. Гайна сдѣлался непримиримымъ врагомъ Іоанна. Но впослѣдствіи, при возмущеніи Готовъ, когда вождь ихъ требовалъ отъ императора казни двухъ консуловъ, Іоаннъ рѣшился просить за этихъ несчастныхъ. Движимый горячею любовію къ ближнимъ, онъ безъ страха отправился въ станъ суроваго Гота, чтобы спасти осужденныхъ. Гайна, тронутый христіанскимъ мужествомъ епископа, принялъ его съ почетомъ въ шатрѣ своемъ и по-

вергъ дѣтей своихъ къ его ногамъ, прося его благословенія.

IV.

Доселѣ мы говорили о безпримѣрныхъ, славныхъ подвигахъ въ Антіохіи и Константинополѣ Св. Іоанна Златоустаго, старались познакомить читателя съ силою и глубиной его ораторскаго слова, видѣли величайшую любовь народа къ святителю... Однимъ словомъ, мы видѣли Св. Іоанна Златоустаго въ дни его славы и величія, когда пастырское слово его воспитывало милліоны людей и давало направленіе всему православному Востоку.

Теперь перейдемъ мы къ тѣмъ злополучнымъ днямъ его жизни, когда святитель Іоаннъ за свои личныя преимущества, за свою св. ревность о славѣ имени Божія врагами правды Христовой былъ обреченъ на заточеніе. Намъ весьма полезно будетъ послѣдовать за святымъ страдальцемъ по пустыннымъ мѣстамъ его заточенія. Пойдемъ всюду за изгнанникомъ и изъ его чаши страданій будемъ почерпать и для себя силы и примѣръ къ перенесенію гоненій за правду Христову. Весь путь отъ Никеи, включая Кесарю, Вифинію, Фригію, Галатію, Каппадокію, Кукузъ и до Команъ—есть путь непрерывныхъ злостраданій святителя, путь крестный. Три года былъ въ заточеніи святитель и въ продолженіе трехъ лѣтъ безропотно несъ тяжелый крестъ свой. Крестоношеніе Іоанново надобно понимать въ самомъ обширномъ смыслѣ. Свои личныя дарованія, свои силы, свои богатства, славу и самую жизнь святитель давно принесъ въ жертву Богу и, предвидѣвъ еще прежде свои страданія за имя Христово, приготовилъ себя къ нимъ молитвою, а так-

же глубокимъ проникновеніемъ въ жизнь самого пастыреначальника Іисуса и всѣхъ ревнителей и защитниковъ правды Христовой. Предъ своимъ послѣднимъ отправленіемъ въ изгнаніе, когда весь дворъ дышалъ ненавистью противъ него, онъ спокойно утѣшалъ друзей своихъ и старался укрѣпить въ нихъ мужество и неустрашимость въ перенесеніи скорбей. „Для меня, говорилъ онъ, — нѣтъ несчастія, кромѣ грѣха. Если императрица хочетъ сослать меня, пусть сошлетъ, меня это не страшитъ: земля и вся вселенная принадлежитъ Богу. Если повелитъ распилить, я умру, какъ умеръ пророкъ Исаія; велитъ бросить въ море, я найду для себя утѣшеніе въ жизни пророка Іоны; ввержетъ въ раскаленную печь, я вспомню о трехъ святыхъ отрокахъ вавилонскихъ; отдастъ на съѣденіе звѣрямъ, то я уподоблюсь Даніилу, вверженному въ ровъ львиный; побьетъ ли камнями, но это казнь Св. Архидіакона Стефана, перваго изъ мучениковъ христіанскихъ; если она захочетъ меня обезглавить, я охотно преклоню голову свою, воодушевляемый примѣромъ Св. Іоанна Крестителя“. На пути въ изгнаніе болѣе благонамѣренные и вѣрные сыны церкви Христовой хотя старались облегчить скорби и мученія своего возлюбленнаго пастыря, но мученической чаши не могли отвратить отъ него. Многіе изъ его почитателей выходили къ нему на встрѣчу, предлагали ему все нужное на пути, устраивали покойное помѣщеніе, приносили весьма значительныя суммы денегъ, которыя Св. Златоустъ раздавалъ бѣднымъ или отправлялъ въ далекія миссіи, дабы вѣра Христова распространялась повсюду. Въ своихъ письмахъ къ діакониссѣ Олимпіадѣ онъ

такъ описываетъ всѣ тѣ заботы, все вниманіе о немъ, съ какими его повсюду встрѣчали вѣрныя чада Христовы: „Всѣ принимаютъ меня со всевозможными ласками и благосклонностью. Областныя военныя команды, сопровождающія меня, такъ услужливы, что не даютъ замѣтить нужды въ слугахъ; воины сами все дѣлаютъ за слугъ, по любви ко мнѣ, они похитили себѣ должность рабовъ и каждый изъ нихъ почитаетъ себя счастливымъ что служитъ мнѣ". Цѣлыя толпы женщинъ и мужчинъ выходили на дороги и къ тѣмъ селеніямъ, въ которыхъ останавливались ведшіе Іоанна, и, смотря на него, обливались слезами. Но несмотря и на эти истинные знаки любви и уваженія къ святителю народа, чаша его страданій была слишкомъ глубока. Чѣмъ дальше уходилъ онъ въ безводныя Малоазійскія пустыни, тѣмъ враги его все болѣе и болѣе увеличивали его страданія. Пользуясь близостію двора, а особенно благосклонностію императрицы Евдоксіи, давали самыя безчеловѣчныя распоряженія чиновникамъ и воинамъ ведшимъ Св. Іоанна. Вниманіе и любовь къ Іоанну людей благосклонныхъ и высокоблагородныхъ ихъ возмущало до глубины души. По ихъ звѣрскимъ распоряженіямъ, великій страдалецъ весь путь отъ Константинополя до Команъ долженъ былъ совершать пѣшій, терпя недостатокъ даже въ самыхъ необходимыхъ жизненныхъ потребностяхъ. Много страдая отъ суровости зимъ въ Арменіи, святитель въ своей сырой землянкѣ разводилъ огонь, окутывался множествомъ ветхихъ одѣялъ и сидѣлъ по многимъ часамъ въ дыму и чаду тѣснаго своего жилища. Мучимый невыносимыми страданіями желудка, такъ проводилъ онъ длин-

ныя зимнія безсонныя ночи, прислушиваясь по временамъ къ дикому реву горныхъ метелей и ожидая съ часу на часъ нападеній разбойническихъ шаекъ дикихъ Исавриянъ. Кажется, святитель жилъ для того только, чтобы переносить одни несчастія и скорби. Цѣлые дни проводилъ онъ, больной, прикованный къ постели Иногда, одержимый мучительной лихорадкой, когда его пожиралъ внутренній болѣзненный огнь, онъ при всякой погодѣ долженъ былъ поневолѣ продолжать свой страдальческій путь. Достигши Кесаріи, утомленный, измученный, находясь въ самой высшей степени огненной лихорадки, онъ принужденъ былъ остановиться у самого послѣдняго жителя на краю города. Злоба враговъ константинопольскихъ преслѣдовала святителя и здѣсь. Такъ, въ самую полночь прибѣгаетъ однажды къ Іоанну пресвитеръ Евсевій, разбудилъ больного и торопилъ скорѣй оставить Кесарію. Ночь была безлунная. Побуждаемый страхомъ и вотъ-вотъ ожидая смерти, поднялся умирающій праведникъ. Его положили въ носилки, и вьючный мулъ долженъ былъ везти болвного по тѣсному каменистому пути. Среди ночного мрака мулъ споткнулся, упалъ на колѣни и сбросилъ болвного на землю вмѣстѣ съ носилками. Но Господь хранихъ своего избранника... Сострадательный пресвитеръ Евсевій кое-какъ поднялъ святителя и почти понесъ его до ближайшаго дома.

Достигши, наконецъ Кукуза въ Арменіи св. изгнанникъ въ своихъ письмахъ къ разнымъ лицамъ такъ описываетъ свое мѣстопребываніе: „Бѣдствія Арменіи такъ велики, что куда ни поди, вездѣ увидишь потоки крови, множество мертвыхъ труповъ, домы ниспровергнутые или сожженые, города

разрушеные. Жители Арменіи уподобляются львамъ и леопардамъ, которые только въ пустынѣ находятъ для себя безопасность. Мы точно кочующіе Скиѳы ежедневно измѣняемъ мѣсто своего пребыванія. Я живу то въ Кукузѣ, то въ Арабисской крѣпости, то скрываюсь среди холмовъ и лѣсовъ, то убѣгаю внутрь пещеръ и пустынь. Наши страданія превышаютъ самыя скорби ссылки; мы каждую минуту ожидаемъ смерти“.

Среди скорбей изгнанничества великимъ утѣшеніемъ для Златоуста была Савиніана діаконисса константинопольская. Это была благочестивая женщина, уже довольно преклонныхъ лѣтъ, отличавшаяся знатностью рода, своими богатствами, а особенно святостію жизни и благочестіемъ. Въ періодъ изгнаній святителя она никакъ не могла перенести разлуки со своимъ учителемъ и наставникомъ, а потому и рѣшилась идти съ нимъ въ изгнаніе до самыхъ крайнихъ предѣловъ вселенной. Ни преклонныя лѣта, ни слабость силъ, ни продолжительность путешествія, ни трудность и неудобство пути,—ничто не могло удержать ее въ столицѣ. Она оставила Константинополь вмѣстѣ съ Златоустомъ и все время была при изгнанникѣ. Эта необыкновенная женщина прошла съ Іоанномъ весь этотъ длинный безконечный путь скорбей и лишеній и въ Команахъ присутствовала при его блаженной кончинѣ.

Но несмотря на такое умаленіе славы святителя въ дни испытаній и скорбей, имя его никогда не было такъ чтимо, какъ въ это время. Св. Іоаннъ Златоустъ былъ въ ссылкѣ, но разсказы о страданіяхъ этого славнаго защитника вѣры и правды Христовой переходили изъ устъ въ уста и по-

вторялись во всѣхъ концахъ образованнаго міра. Весь свѣтъ былъ занятъ мыслію объ этомъ знаменитомъ изгнанникѣ. Кукузъ и Арабисса сдѣлались безсмертными въ памяти потомства. Въ мѣсто изгнанія стекались со всѣхъ концовъ земли: изъ Финикіи, Сиріи, Константинополя и Антіохіи, истинные и вѣрные сыны Христовой церкви. Одни приходили для того, чтобы припасть къ ногамъ св. изгнанника въ знакъ своего къ нему благоговѣнія, услышать изъ его устъ добрый совѣтъ и утѣшеніе и испросить святыхъ его молитвъ. Другіе, увлекаемые разсказами о его высокихъ добродѣтеляхъ и личныхъ качествахъ, не хотѣли умереть, не видѣвши столь знаменитаго изгнанника.

Но чаша горестей и испытаній для святителя еще не наполнилась... Враги его въ Константинополѣ, вліявшіе на дѣла двора, сгорали большей и большей злобой противъ святителя и измышляли сослать его въ еще болѣе отдаленныя мѣста, чтобы онъ не могъ имѣть никакого утѣшенія, и надѣялись, что онъ на пути умретъ отъ истощенія и крайняго упадка силъ. Мѣстомъ послѣдней ссылки назначенъ былъ малоизвѣстный городъ Питіунтъ, находящійся въ Колхидѣ на сѣверномъ берегу Чернаго моря. Святому изгнаннику предстояло пройти 600 верстъ. На этомъ продолжительномъ пути надо было переплывать много рѣкъ, проходить дикія пустыни и чрезвычайно высокія, утесистыя горы. Чиновники, приставленные на этотъ разъ къ изгнаннику не имѣли къ нему никакого состраданія. Изнуренный, полуживой святитель шелъ день и ночь, не имѣя отдыха. Его заставляли идти подъ палящими лучами полуденнаго солнца, надѣясь, что слабый путникъ скорѣе заболитъ...

Сильныя бури и проливные дожди также доставляли удовольствіе этимъ немилосерднымъ приставникамъ, потому что давали возможность подвергнуть изгнанника новымъ страданіямъ. Къ жестокости дѣйствій ведшіе Златоуста присоединяли злыя насмѣшки. Когда замѣчали, что святитель, промокши до костей, дрожалъ отъ холода, они не оказывали ему никакого состраданія. Все что могло подкрѣпить силы страдальца на пути,—все было строго воспрещено. Для св. страдальца не находилось ни питательной пищи, ни перемѣны одеждъ, ни удобнаго ночлега. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ святой могъ найдти къ себѣ въ людяхъ состраданіе, они не останавливались, а искали для этого мѣстъ болѣе пустынныхъ, и то останавливались на самое короткое время. И такое страдальческое путешествіе продолжалось три мѣсяца. [Едва достигши пустынаго мѣстечка близь Команъ, гдѣ была церковь съ мощами св. Василиска, епископа Команскаго, св. Златоустъ уже совсѣмъ не могъ болѣе продолжать свой крестный путь, несмотря на звѣрскія побужденія чиновниковъ. Здѣсь ему явился св. Василискъ и, утѣшая въ скорбяхъ страдальца, сказалъ: „Не унывай, братъ Іоаннъ! Завтра мы будемъ вмѣстѣ“. Такъ и случилось: зная, что насталъ послѣдній часъ его, святой изгнанникъ облекся въ чистыя бѣлыя одежды, пріобщился Св. Христовыхъ тайнъ, совершилъ на себѣ въ послѣдній разъ крестное знаменіе съ словами „Слава Богу за все“, и отлетѣлъ въ горнія обители.

Вскорѣ послѣ его кончины гнѣвъ Божій не замедлилъ постигнуть всѣхъ главныхъ виновниковъ его изгнанія. На четвертый день послѣ кончины святителя въ Константинополѣ, въ своихъ царскихъ

чертогахъ, въ страшныхъ мученіяхъ дѣторожденія умерла царица Евдоксія. Северіанъ Габальскій, Акакій Берійскій, Антіохъ Птолемаидскій также были поражены смертію. Ѳеофилъ Александрійскій долго страдалъ въ предсмертной агоніи, и все не приходилъ къ нему желанный часъ смерти... Наконецъ едва внятно прошепталъ онъ окружающимъ его одръ, чтобы подали ему изображеніе Св. Іоанна Златоустаго. Увидя давно знакомый образъ, онъ взялъ полотно въ свои хладѣющія руки, долго смотрѣлъ на изображеніе Константинопольскаго святителя своимъ угасающимъ взоромъ, поцѣловалъ его и тихо скончался.

Погребеніе святителя Іоанна было совершено со всевозможною торжественностію. Всѣ собравшіеся ко дню погребенія изъ самыхъ отдаленныхъ странъ, помышляя о тѣхъ наградахъ, которыя Господь воздастъ неустрашимому защитнику правды, радовались, но, видя бездыханное тѣло его, навсегда закрытыя очи, замкнутыя краснорѣчивыя уста,—тихо плакали. И еще болѣе лились эти слезы, когда они вспоминали, что онъ умеръ отъ невыносимыхъ страданій труднаго пути, умеръ вдали отъ своей паствы среди дикой, безлюдной пустыни.

Въ 427 г. при св. Проклѣ, архіепископѣ Константинопольскомъ, ученикѣ и другѣ Златоуста, совершилось славное перенесеніе мощей святителя изъ Команъ въ столицу. Вѣсть о перенесеніи св. мощей разносилась все далѣе и далѣе. Пресвитеры, пустынники, дѣвственники и всѣ правовѣрные стекались къ тому пути, по которому продолжалось шествіе. Когда же св. тѣло Златоуста принесено было въ Халкидонъ, то всѣ Константинопольцы съ жителями предмѣстій устремились на встрѣчу

своему незабвенному пастырю Весь Константинопольскій проливъ покрылся судами, которыя, въ разныхъ направленіяхъ разсѣкая волны моря, освѣщались зажженными факелами. Святыя мощи перевозимы были на императорскомъ суднѣ. И лишь только прибыли къ берегу, тотчасъ рака съ мощами была поставлена на царскую колесницу и перевезена въ церковь свв. апостоловъ среди криковъ радости, слезъ и благословенія со всѣхъ сторонъ. Когда рака съ мощами поставлена была на приготовленное мѣсто въ храмѣ, то императоръ Ѳеодосій Младшій, сынъ императора Аркадія, сложивъ съ себя всѣ знаки царскаго достоинства, вмѣстѣ съ благочестивою сестрою своею Пульхеріею подошелъ къ гробницѣ и, склонивъ смиренно главу и устремивъ на святителя взоры свои, умолялъ его о прощеніи своихъ родителей Аркадія и Евдоксіи. Весь народъ, до глубины сердца растроганный этимъ умилительнымъ и поучительнымъ зрѣлищемъ, вмѣстѣ съ императоромъ проливалъ слезы. Когда же Ѳеодосій послѣ усиленной молитвы поднялся съ колѣнъ и отошелъ отъ гробницы, то въ это время послышался въ храмѣ голосъ: „Святѣйшій отецъ! займи свой прежній престолъ“. Говорятъ, что въ это время раскрылись уста святителя, и онъ произнесъ слова: „миръ вамъ“. Все это происходило 27 января 427 года.

Святый Златоустъ на землѣ горѣлъ истинною любовію ко всѣмъ и теперь почіетъ въ томъ, кто самъ есть любовь. Минуютъ годы и вѣка, много совершилось и совершится перемѣнъ въ разныхъ государствахъ міра, но имя Св. Златоуста пребудетъ вѣчно, слава и награда его не погибнутъ вовѣки.

„Златокованную трубу, богодохновенный ор-

ганъ, догматовъ пучину неисчерпаемую, церковное утвержденіе, умъ небесный, премудрости глубину, чашу всезлатую, изливающую рѣки ученій медоточныхъ и напояющую тварь, пѣсненно воспоимъ“. (Стих. на „Господи воззвахъ“). Въ такихъ свѣтозарныхъ чертахъ въ наше назиданіе и утѣшеніе воспѣваетъ св. церковь великаго іерарха и вселенскаго учителя.

Православная церковь глубоко чтитъ великаго вселенскаго учителя и совершаетъ память его 13-го ноября и 27-го января.

Въ настоящее время, когда мы сказали послѣднее слово о земной жизни и трудахъ святителя Іоанна, не можемъ никакъ удержаться отъ того высокаго удовольствія, чтобы не поговорить подробнѣе о его высокомъ, безпримѣрномъ проповѣдническомъ геніи.

Бернардъ Монфоконъ, монахъ Бенедиктинскаго ордена (1741 г.), глубокій знатокъ твореній Златоуста, болѣе двадцати лѣтъ трудился надъ изданіемъ полнаго собранія твореній святителя Іоанна, и издано имъ очень много, но, несмотря на всѣ его старанія, многое не уцѣлѣло, а потому и не могло быть издано. Бесѣды Златоуста для сердца читающаго все равно что плодотворная роса для Божьей нивы, все равно какъ кристальный, чистый потокъ для утомленнаго, мучимаго жаждой, далекаго путника. При необычайной силѣ своего проповѣдническаго генія онъ рѣдко прибѣгалъ къ готовымъ риторическимъ формамъ, а создавалъ новыя, небывалыя, чудныя формы ораторской проповѣднической рѣчи. Онъ создалъ свою собственную науку духовной ораторской рѣчи.

И все это понятно, когда строго подумаешь о

томъ, кто былъ Златоустъ, сколь возвышенъ былъ духъ въ этомъ человѣкѣ, какимъ любвеобильнымъ сердцемъ обладалъ онъ. Кажется, все человѣчество со всѣми своими духовными нуждами вмѣщалось въ сердцѣ этого святителя. Посмотрите, какъ онъ любилъ бѣдныхъ и неимущихъ. Кто знаетъ, можетъ-быть, эта любовь къ меньшей Христовой братіи услаждала горькую чашу его столь продолжительныхъ страданій. А какой высоко-христіанской любовію пользовался и онъ отъ этихъ бѣдняковъ, которые были привязаны къ нему въ Константинополѣ такъ же какъ въ Антіохіи! И вотъ въ этой-то любви онъ находилъ для себя свои сладчайшія утѣшенія. Бѣдные,—это были постоянные любимцы Златоуста. Къ нимъ-то по преимуществу направлялось его слово, къ нимъ-то еще болѣе, чѣмъ къ счастливцамъ сего міра обращалось сладостное воззваніе христіанскаго оратора— „возлюбленные мои“, которое въ его устахъ, кажется, принимаетъ совершенно особенный оттѣнокъ отеческой нѣжности, это тѣ, по словамъ Златоуста, которые во всѣхъ случаяхъ и всегда окружали своего пастыря самою ревностною любовію, самою безграничною преданностію. Болѣе трехъ тысячъ людей бѣдныхъ было на его попеченіи, и его неутомимая ревность и собственное достояніе, а также и доходы церкви, которыми онъ распоряжался, все предложено было къ облегченію бѣдствій и удовлетворенію нуждъ сихъ несчастныхъ. Между всѣми св. отцами IV вѣка отличительный признакъ Св. Златоуста—это то, что онъ является вдохновеннымъ и неутомимымъ апостоломъ милосердія и любви. Чтобы быть столь удивительно краснорѣчивымъ, недостаточно было обладать за-

мѣчательно гибкимъ умомъ и изумительною легкостью рѣчи, для этого нуженъ былъ иной, вѣчно живой и бьющій ключомъ, источникъ, т. е. переполненное любовію сердце. Умъ—нищій, а сердце—богачъ, и никто такъ не умѣлъ обогатить одно сокровище другимъ, какъ Св Златоустъ. Однажды предъ своими Антіохійскими слушателями онъ съ полнымъ пренебреженіемъ къ себѣ, прекрасно восхваляя евангелиста Іоанна, сказалъ, что самъ онъ—увы!—не имѣлъ ничего общаго съ послѣднимъ кромѣ имени. Но онъ былъ слишкомъ скроменъ, онъ именно носилъ въ себѣ тотъ же даръ любви и нѣжности, который преданіе усвояетъ возлюбленному ученику Господа. „Дѣвство, постъ и колѣнопреклоненія приносятъ пользу одному соблюдающему ихъ, говорилъ нѣкогда святитель,—и не спасаютъ никого болѣе. Но милосердіе простирается на всѣхъ. Оно обнимаетъ всѣ члены Христа". Обиженный у него ищетъ помощи, писалъ о Златоустѣ современный ему историкъ, подсудимый призываетъ его въ защитники; голодный у него проситъ пищи; нищій—одежды; иной—обуви съ ноги его. Плачущій у него ищетъ утѣшенія; больной-призора; странникъ—пристанища; вдова льетъ у него слезы о своемъ сиротствѣ; должникъ повѣряетъ ему скорбь свою; иной проситъ его быть примирителемъ домашнихъ ссоръ.

Св. Златоустъ проповѣдывалъ то въ одномъ, то въ другомъ приходѣ, то въ самомъ городѣ, то въ пригородахъ. Чаще всего говорилъ онъ въ Великой церкви, расположенной въ самомъ центрѣ столицы, на главной площади. Созывалъ онъ также народъ въ ту, дорогую сердцу всѣхъ вѣрныхъ, церковь Анастасіи (Воскресенія), которая была въ

Константинополѣ въ нѣкоторомъ родѣ тѣмъ же, чѣмъ Палея въ Антіохіи. Въ этой церкви всегда было живо воспоминаніе о св. Григоріи Назіанзинѣ, проповѣдывавшемъ здѣсь малому числу вѣрныхъ, послѣ того какъ всѣ городскія церкви перешли во власть аріанъ. Собранія имѣли еще мѣсто въ храмѣ Святой Ирины или въ какой-нибудь часовнѣ, какъ, напр., въ Мартиріи при старомъ камнѣ.

Св. Исидоръ, жившій съ святителемъ въ одномъ вѣкѣ, выразилъ однажды удивленіе и сожалѣніе, когда узналъ, что писанія Златоуста оставались неизвѣстными для одного изъ его друзей. „Меня чрезвычайно удивляетъ, писалъ онъ,—твое невѣдѣніе о писаніяхъ Іоанна Златоустаго, сла́ва которыхъ послѣ его смерти распространилась повсюду. Не знать столь прекрасныхъ твореній то же значитъ, что не видѣть солнца въ самый полдень. Возможно ли читать его сочиненія, не восхищаясь ими? Есть ли столь безчувственный человѣкъ, который не возблагодарилъ бы Провидѣніе, даровавшее міру столь блистательное свѣтило?“ Какъ выдающійся геніальный проповѣдникъ, святитель Іоаннъ пользовался особенною любовію и глубокимъ уваженіемъ со стороны лучшихъ людей своего времени. Когда императоръ Аркадій, устрашенный бѣдствіями греческой имперіи, писалъ къ преподобному Нилу Синайскому и просилъ усердно его молитвъ, то преподобный отвѣчалъ такъ ему: „Какъ дерзну я молиться о городѣ, который столькими прегрѣшеніями навлекъ на себя справедливый гнѣвъ Божій, который изгналъ блаженнаго Іоанна, столпа церкви, трубу Господню? Ты изгналъ его, не имѣя на то никакого повода, легкомысленно послѣдовавъ совѣтамъ людей, поврежденныхъ въ разумѣ;

ты лишилъ вѣрующихъ святыхъ наставленій, которыя они получали отъ него; подумай объ этомъ; познай согрѣшенія свои и покайся". Святый Іоаннъ Златоустъ всѣми былъ чтимъ и для всѣхъ благонамѣренныхъ людей былъ незамѣнимъ и дорогъ. Въ періодъ гоненій за него ходатайствовалъ императоръ Гонорій, который управлялъ Западомъ, братъ императора Аркадія, и папа Иннокентій. Короче сказать: могучему, неотразимому слову Іоанна повиновалось все. Самыя хладныя, можно сказать, каменныя сердца размягчались и таяли подъ напоромъ его краснорѣчиваго ораторскаго слова. Когда святитель Іоаннъ проповѣдывалъ, то многіе изъ тѣхъ, которые сперва приходили изъ пустого любопытства, были тронуты до глубины души могучимъ словомъ проповѣдника; многіе, приведенные къ живому сознанію грѣховъ своихъ, рыдали и обливались слезами. Еретики встрѣчали въ немъ строгаго ѳбличителя ихъ неправомыслія и вмѣстѣ кроткаго наставника, всегда готоваго помочь тому, кто добросовѣстно искалъ истины. За его чудныя бесѣды, которыя дышали живѣйшей любовію къ слушателямъ, и за то дѣйствіе, какое онъ одинъ производилъ на слушателей, св. древность назвала его Златоустомъ. Его бесѣды были неистощимы по тому духовному наслажденію, какое испытывали его слушатели. Разоблаченіе той или другой страсти человѣческой носитъ на себѣ слѣды самаго тончайшаго и подробнѣйшаго изслѣдованія... Страдающій тѣмъ или другимъ порочнымъ навыкомъ отъ обличеній Іоанна не находилъ никакихъ оправданій и извиненій. Обличаемый не находилъ убѣжища ни въ какихъ самообольщеніяхъ... Святитель своимъ всепроникающимъ словомъ вездѣ на-

стигалъ убѣгающаго. Оставаясь понятнымъ для простыхъ слушателей, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ сохранялъ величіе духа и возвышенность, которая удивляла самыхъ философовъ. „Не говорю о другихъ, пишетъ Исидоръ Пелусіотъ, одинъ изъ многочисленныхъ учениковъ Златоуста,— самого Ливанія, всѣми прославляемаго за краснорѣчіе, приводили въ изумленіе языкъ досточтимаго Іоанна, красота его мыслей и изобиліе доводовъ. Объ одномъ и томъ же предметѣ онъ говорилъ семь-восемь бесѣдъ и всегда открывалъ что либо новое. Небо, землю, море, науки, искусства, обычныя потребности и занятія жизни общественной и домашней, всю природу со всѣми ея явленіями и произведеніями,—и все это съ необыкновеннымъ умѣньемъ заставлялъ онъ служить къ поясненію, доказательству и торжеству истины и добродѣтели. Зная тонко и глубоко сердце человѣческое, Златоустъ удивительнымъ образомъ могъ приспособляться къ состоянію своихъ слушателей и, касаясь самыхъ завѣтныхъ, самыхъ чувствительныхъ струнъ душевныхъ, всегда производилъ въ людяхъ нравственную борьбу съ блистательнымъ успѣхомъ. Словомъ, во всѣхъ его бесѣдахъ слышится голосъ неистощимой любви къ пасомымъ, всячески ищущей ихъ покаянія и исправленія. Проникнутый самъ любовію къ слову Божію, онъ вызывалъ на помощь все свое краснорѣчіе, чтобы убѣдить всѣхъ и каждаго читать или слушать слово Божіе, изучать его въ храмѣ, въ домѣ, во всякое время и на всякомъ мѣстѣ.

Значеніе Св. Іоанна Златоустаго въ дѣлѣ церковной проповѣди —міровое, первенство неотъемлемое.